

Энциклопедия. Энциклопедизм. Высшее образование

18 января 2006 г. в Институте Латинской Америки РАН издательство «Энциклопедия» и журнал «Высшее образование в России» провели дискуссионный круглый стол на тему «Энциклопедизм, энциклопедические издания и высшее образование в России: история и современность».

Напоминаем нашим читателям, что первый круглый стол на тему «Энциклопедизм, энциклопедические издания и высшее образование в России» состоялся в октябре 2004 г. в Институте человека РАН. Материалы дискуссии опубликованы в журнале (2005, № 8, 9).

В обсуждении приняли участие: ведущая круглого стола – *Кузнецова Наталья Ивановна* – д. филос. н. (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН); *Карев Владислав Михайлович* – к. ист. н. (издательство «Энциклопедия»); *Сапунов Михаил Борисович* – к. филос. н. (журнал «Высшее образование в России»); *Бим-Бад Борис Михайлович* – д. пед. н., академик РАО (ректор Царскосельского лицея); *Сизоненко Александр Иванович* – д. ист. н. (Центр научных энциклопедических изданий Института Латинской Америки РАН); *Рашковский Евгений Борисович* – д. ист. н. (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); *Бородулин Владимир Иосифович* – д. мед. н. (издательство «Энциклопедия», НПО «Медицинская энциклопедия»); *Ранчин Андрей Михайлович* – д. филол. н. (МГУ им. М.В. Ломоносова); *Одинокова Людмила Юрьевна* (журнал «Высшее образование в России»); *Глебова Лариса Сергеевна* (издательство «Энциклопедия»); *Сазонова Зоя Сергеевна* – к. физ.-мат. н. (Московский автомобильно-дорожный институт); *Магомедмирзаев Руслан Магомедмирзаевич* (издательство «Олма-Пресс»); *Роговой Валентин Михайлович* – д. геол.-минерал. н. (Всероссийский НИИ экономики минерального сырья); *Дроздовский Алексей Александрович* (международная общественная организация «Студия биосферной архитектуры», общественная лаборатория «Информационные традиции»); *Задорожнюк Иван Евдокимович* – к. филос. н. (Современная гуманитарная академия); *Шариков Александр Вячеславович* – к. пед. н. (Государственный университет – Высшая школа экономики).

В. КАРЕВ: Поскольку на мою долю выпало выступать первым, хочу прежде всего выразить восхищение тем, что, несмотря на лютый мороз, «все мы здесь сегодня собрались». Следовательно, имя «Энциклопедия» остается не пустым для сердца звуком, а проблемы современной энциклопедистики, судя по составу участников нашего круглого стола, в равной степени волнуют и философов, и историков, и социологов, и представителей других наук. Поскольку я выступаю здесь как издатель, мне придется ограничиться теми проблемами, которые перед началом заседания уже были поставлены коллегами. Чем отличается энциклопедия от справочника? Если рассматривать энциклопедию как некий «круг знаний», то как вместить в этот круг «всю» сумму знаний? Должен сделать только одно предварительное уточнение. Издатель энциклопедий, в отличие от издателей всех других видов книг, одновременно и их создатель, разработчик концепции, автор словника, т.е. перечня статей, которые должны быть включены в ту или иную энциклопедию, разработчик структуры и схем статей, параметров их смыслового наполнения.

Итак, первая проблема заключается в том, как вместить необъятное знание в ограниченную и замкнутую форму энцикло-

педического издания. Вторая проблема – в том, как стать понятным и доступным нашей отечественной аудитории, которая пока еще – в большинстве своем – абсолютно верит печатному слову, несмотря на все социальные коллизии. Вчера эта аудитория читала «Правду», сегодня, вероятно, читает «МК» или «СПИД-Инфо». Она верила и верит в истинность того, что написано на страницах этих изданий. Поэтому издатель энциклопедической литературы сейчас стоит, как витязь на распутье. Он незащищенным выходит на дикий рынок в надежде и даже уверенности, что сможет продать свою книгу.

За последние 15 лет слово «энциклопедия» в обиходе приобрело совершенно новый смысл, который не отражен в словарях иностранных слов. «Энциклопедия» сегодня оказывается, помимо прочего, неким товарным знаком, «брендом». Этот товарный знак означает для рядового покупателя, читателя или потребителя возможность приобрести серию книг, включающую два, три, пять и более томов, которые он может принести домой *и стать обладателем, пользуясь словами немодного ныне классика, «всех знаний, выработанных человечеством»*. Конечно, это не совсем так. Энциклопедия – это книга обо всей сумме знаний, ориентированная на человека, который не обладает полным знанием. Подчеркну, что в таком контексте речь идет прежде всего об универсальных энциклопедиях. На что же рассчитаны энциклопедии, из каких посылок исходят их создатели? Они, как правило, исходят из того, что физик, например, не обязательно читать в универсальной энциклопедии статью об атомной физике. Конечно, если он решил освежить перед лекцией какие-то факты и детали, то он может эту статью прочитать. Но чаще физик обращается к универсальной энциклопедии, когда, будучи образованным человеком, хочет пополнить свои знания по философии, литературе, может

быть, даже по медицине. Отсюда – необъятность задач современного энциклопедиста, который стремится, а точнее, обязан вместить все имеющееся знание в ограниченное число томов и выдать свою продукцию потребителю.

К сожалению, на рынок сегодня в массовом порядке поступает и псевдо-энциклопедическая литература. Повторюсь: слово «энциклопедия» стало в наши дни товарным знаком. Почему-то наш многонациональный народ полюбил это слово и, покупая книги в золоте и глянце, на переплетах которых стоит это слово, полагает, что покупает настоящие энциклопедии. Издатель же выступает как продавец, пытается найти путь к сердцу (и кошельку) читателя-потребителя. В море переименованных, так сказать «псевдонимных» изданий, скрывающихся за словами «энциклопедия», «энциклопедический», тонут даже специалисты. На днях я купил довольно содержательный биографический словарь, посвященный деятелям Русской православной церкви. На его страницах автор ссылается на источники, которыми пользовался: «Советский энциклопедический словарь», «Большой энциклопедический словарь», «Российский энциклопедический словарь», «Всемирный биографический словарь» и др. Мои коллеги-энциклопедисты, участвовавшие в подготовке всех этих изданий, знают, что все они суть один и тот же словарь, выпускаемый издательством «Советская энциклопедия» (теперь – «Большая Российская энциклопедия») вот уже в течение почти 30 лет. В своей далекой «юности» этот словарь назывался «Советским», потом «Большим», с 2000 г. – «Российским энциклопедическим». И это тот случай, когда речь идет о добротном и качественном издании. Что же говорить о ситуациях, когда составители суррогатных «энциклопедий» сознательно запутывают читателей, варьируя названия, меняя форматы и объемы...

Таков сегодня книжный рынок. Именно на нем приходится работать. Издатель дол-

жен учитывать интересы читателя и при определении формы представления материалов. Полагаю, что участники сегодняшнего круглого стола понимают, сколь принципиально отличие энциклопедических статей от статей в журналах, научных сборниках и «учёных записках». Да, энциклопедия – это система знаний. Но это ведь еще и набор методик. Методик, которые в универсальной энциклопедии, конечно, различаются, скажем, в статьях по медицине и по теории литературы, но тем не менее подчиняются общей, единой концепции издания.

Можно ли создать принципиально новую энциклопедию? Боюсь навлечь на себя шквал критики и упреков в консерватизме, но все же скажу: энциклопедии – это и новаторство, и рутина. Без рутины, которая в нашем случае есть не что иное, как добротная традиция, универсальная энциклопедия невозможна. Можно, например, представить универсальную энциклопедию без биографических статей, но как товар, как продукт, рассчитанный на продажу, на потребление людьми разного образовательного уровня, – такое издание обречено на провал. Сегодня такая энциклопедия не появится даже в больших библиотеках в качестве «обязательного экземпляра». Интерес современного читателя к выдающимся личностям, который подтверждается популярностью мемуарной и биографической литературы, заставляет создателей и издателей энциклопедий сознательно расширять их биографическую составляющую. Кстати, около 25 лет назад предпринималась попытка создать «безлюдную» историческую энциклопедию, окончившаяся полной неудачей. Так, вместо статей о тех или иных исторических деятелях отечественной истории XX века в ней планировалось дать такие статьи, как «Деникинщина», «Врангелевщина», «Колчаковщина», «Лысенковщина». Но даже и тогда, в период триумфального шествия по страницам советской печати идеологической «бесовщины», эти названия в большинстве своем смотрелись дико.

В отличие от СМИ энциклопедия не гонится за сенсациями (если, конечно, книга не называется «Энциклопедией сенсаций», самим своим названием исключая себя из класса серьезных энциклопедий). Серьезная энциклопедистика не пытается «изукрасить» биографию Ивана Грозного или Колчака захватывающими, иногда высосанными из пальца деталями и подробностями, сознавая, что отсутствие такого декора неизбежно снижает тираж издания, сужает аудиторию его потенциальных читателей. Издания с экзотическими названиями – от «Энциклопедии народного секса» до энциклопедического справочника, да еще и «православного», «Кормление грудью» – усваивают навыки печатных и электронных СМИ; они уже внедряют в тексты энциклопедий, в их оформление, в формы подачи материала элементы, служащие развлечению или, если угодно, отвлечению читателя от реальных проблем научного знания и социального бытия.

Вот лишь немногие проблемы, с которыми сталкивается добросовестный издатель (создатель) современной энциклопедии.

М. САПУНОВ: Мне хотелось бы вслед за Владиславом Михайловичем подчеркнуть философские основания того дела,

которым занимается редактор – производитель энциклопедии. Хотелось бы сказать о творческой, креативной в метафизическом смысле роли редактора и редколлегии. Поговорить о «Creatio ex nihilo». Из «какого сора растут» энциклопедии?

Космос, универсум энциклопедии конструируется из подручного материала, некоего хаоса наличного корпуса знаний с помощью имеющихся на данный момент отнюдь не идеальных авторов. В классической культуре, в предположении конструкции Абсолютного Субъекта (Бога) этот Космос объективируется абсолютно (гипостазируется), то есть получает санкцию на «объективное» существование. С разрушением конструкции Cogito («смерть Бога») проблема онтологического статуса «Мира» усложняется. Кто является субъектом и гарантом объективности предметного содержания энциклопедии, если иметь в виду, что в XX веке «умер» не только Бог, но и Автор, Редактор?

На мой взгляд – квалифицированное сообщество единомышленников, подвижников. На их личностном, персональном усилии и *держится* Мир. В нашем случае это редактор и редколлегия, группа ответственных лиц. От них зависит как выбор элементов мира и архитекtonика единства мира в целом, так и его нравственное измерение.

Создавая мир, Бог выбрал «лучший из возможных» по эстетически-нравственным основаниям: «и это хорошо». У редактора должен быть некий «абсолютный вкус», «слух», который помогает отбирать лучший вариант из возможных. Тем отличается хорошая работа редактора от плохой.

Творение делается «из ничего» и держится на «ничто» – ответственной, «нипочемучной» свободе, *causa sui*.

Я хочу показать вот эти два номера: восьмой и девятый. Здесь опубликована первая часть нашего круглого стола. Вот последний наш номер, здесь есть перечень статей, опубликованных за год. Можно познакомиться с нашей проблематикой. Высшее об-

разование сегодня – это социология, экономика, политика и, конечно, метафизика, которой нам в последнее время крайне недостает. Поэтому мы пробуем с Владиславом Михайловичем поднимать темы, которые, казалось бы, непосредственного отношения к содержанию журнала не имеют.

Н. КУЗНЕЦОВА: Дорогие коллеги, камертон нашей дискуссии задан.

Думаю, мы начнем с тех докладчиков, на которых рассчитывали. Пойдем по алфавиту, поэтому Владимир Иосифович выступит первым, но я прошу обратить внимание на некоторую проблему и, по крайней мере, попытаться обсудить ее. Энциклопедически образованный человек – утопия или реальность, которой можно достичь? Или, быть может, в третьем тысячелетии, в котором мы все живем, речь идет уже не об энциклопедически образованном человеке, а только об издателях удачных энциклопедий?

В. БОРОДУЛИН: «Энциклопедия способна внести скромный интегрирующий вклад в копилку знания»

Не берусь судить о гуманитарном знании, но в области естественных наук про-

цесс дифференциации знания продолжает сохранять лавинообразный характер. Конечно, новизна этой ситуации относительна: узкая специализация серьезно беспокоила многих мыслителей прошлого. Например, крупный естествоиспытатель и выдающийся историк науки К.А. Тимирязев ещё в последней четверти позапрошлого века говорил: «Явились целые полчища специалистов, различных истов и логов, размежевавших природу на мелкие участки и не желавших знать, что творится за пределами их узкой полосы» (Дарвин как тип учёного: Публичная лекция, читанная в Московском ун-те 2-го апр. 1878 г. М., 1878). Но масштабы этого процесса в конце XIX в. и в начале XXI в. существенно различны. Соответственно и проблемы, порождаемые этим процессом, становятся всё более острыми.

Медицина, которая до середины XIX в. имела с естествознанием весьма отдаленное родство, со второй половины XIX в. всё более решительно шла по пути естественных наук, и сейчас процессы, происходящие в медицинской науке, вполне можно экстраполировать и на другие области естествознания. Вместе с тем они очень наглядны. Поэтому я буду говорить о медицине и, в частности, о хирургии – едва ли не самой динамичной среди клинических научных дисциплин. Пока не было наркоза, обеззараживания раны, топографической анатомии и оперативной хирургии, не было и научной клинической хирургии. Когда они появились, т. е. начиная со второй половины XIX в., стали стремительно развиваться брюшная, сосудистая и другие ветви единого древа хирургии. Но не только гений российской медицины Н.И. Пирогов, но и его научные сыновья и внуки оставались хирургами, хотя и занимались оперативным лечением преимущественно травм либо болезней внутренних органов, либо онкологических заболеваний и т. д. К середине XX в. ситуация изменилась: больного уже

могли направить и к хирургу, и к специализированному травматологу, онкологу, урологу, нейрохирургу, поскольку появились соответствующие врачебные специальности. В наше время не только так называемый общий хирург, но и специализированный кардиохирург не возьмётся за любую операцию на сердечно-сосудистой системе: он свободно владеет только операциями при врождённых пороках сердца (детский кардиохирург) или только операциями на сосудах, например при варикозном расширении вен (сосудистый хирург). Если больной орган – кишка, но именно нижний её отдел, то понадобится уже не хирург, а проктолог; если же патологический процесс разместится в кишечнике этажом выше, больного направят к специалисту по брюшной хирургии; если требуется пришить оторванный палец, тогда нужен микрохирург.

Преимущества узкой специализации очевидны: многие современные диагностические и оперативные техники требуют обширных знаний и навыков владения сложнейшей аппаратурой, умения перевести цифровую информацию на врачебный язык, тонкого владения методиками хирургического вмешательства, в том числе осуществляемого под микроскопом, и т. д. Да и, вообще говоря, бессмысленно ложиться на рельсы перед паровозом научно-технического прогресса. Однако больной – не механическая совокупность органов, а единый организм, личность. Значит, для лечения нужна совместная деятельность разных специалистов. Понятно, что в практическом плане часто просто нет возможности организовать ее; кроме того, медицина является весьма дорогой, а организация совместной деятельности специалистов требует дополнительных расходов. Но и в чисто методологическом плане ясно, что в таком Вавилоне необходим единый язык общения. Между тем могу ответственно сказать, что заведующий московским терапевтическим или специализированным кардиологическим отделением должен бы разобраться в тонкостях электрокардио-

граммы (если, конечно, он прослушал специальный курс по электрокардиографии), но, скорее всего, не сможет самостоятельно (без помощи специалиста по функциональной диагностике) оценить результаты ультразвукового исследования сердца: другой язык...

Не вызывает сомнения, что сгладить последствия разобщения наук призван альтернативный процесс интеграции знания. Об интенсивности этого процесса свидетельствуют сами названия новых наук, разделов, направлений: физическая химия, биофизика, медицинская радиология, географическая патология, эндокринологическая гинекология, урогинекология и т. д. Однако масштабы интеграции явно уступают масштабам дифференциации.

Каковы же задачи и возможности энциклопедии применительно к этой ситуации? Во-первых, это задача систематизации знания, которая давно осознана энциклопедистами. Об этом свидетельствуют многие универсальные энциклопедии XX в., например, достаточно продуманное, методически проработанное 3-е издание Большой советской энциклопедии. Эта задача решается главным образом через систему статей о науках, где освещаются такие вопросы, как место данной науки в более ши-

рокой области знания, смежные науки, внутренняя структура науки (её основные и прикладные разделы). Во-вторых, в статьях по крупным понятиям, проблемам и направлениям науки, а также при многозначных терминах требуется комплексное всестороннее освещение предмета статьи, при необходимости – с участием авторов, представляющих разные области науки (например, статья «Человек» не может быть написана одним автором). В-третьих, в биографических статьях по возможности даётся не узкоспециальная характеристика учёного, а разносторонняя оценка его вклада в науку и культуру (поэтому статья, например, о Парацельсе или Гёте также является комплексной). Разумеется, даже самая удачная энциклопедия не может сегодня реально повлиять на подготовку универсальных специалистов (может быть, время Ломоносовых и Вернадских вообще прошло окончательно), но все же энциклопедия способна внести скромный интегрирующий вклад в копилку знания.

Н. КУЗНЕЦОВА: Действительно, нужно собрать несколько специалистов, чтобы написать многоаспектную, сложную статью. Для создания энциклопедической статьи издатель должен прежде всего найти подходящего автора, а это очень сложно. Хочу обратить внимание присутствующих на следующую проблему. Я спросила известного философа Э.Ю. Соловьева о том, участвовал ли он как автор в «Новой философской энциклопедии». Он ответил: «Нет! Энциклопедическая статья – не мой стиль. Там надо что-то устоявшееся. Я совершенно не могу этому соответствовать, я все время в поиске, я все время открыт для сомнений». Я возражаю: «Но Вы же помните замечательную статью Эвальда Ильенкова “Идеальное” в нашей “Философской энциклопедии”, которая вышла в 1965 году! Это была совершенно новаторская, неожиданная, недогматическая работа! И ее, к сожалению, уже нет в “Новой философской энциклопедии”, которую недавно выпустил

Институт философии». «Но статья Ильенкова совершенно не энциклопедическая!» – ответил Соловьев.

Я с ним согласна. В той статье была представлена точка зрения Эвальда Ильенкова, очень оригинальная, которую в то время нельзя было опубликовать в журнале «Вопросы философии», и только энциклопедическое издательство позволило себе такую вольность. Вообще создатели той энциклопедии – люди легендарные: и как редакторы, и как «собиратели» авторов, и как «фильтры». И все же проблема остается: творческий автор не хочет писать в энциклопедию, а «энциклопедический автор» сплошь и рядом – бездарь в науке. Что с этим можно поделать? Вероятно, здесь нет однозначного ответа. Спасибо Владимиру Иосифовичу, потому что пример узкой специализации в медицине – может быть, самая наглядная иллюстрация тупиков дифференциации познания и практики! Но спасают ли энциклопедии?

А. РАНЧИН: «Энциклопедически образованный человек и читатель энциклопедий – фигуры разные»

Для энциклопедий в наше время особенно значимы вопросы об объективности, о непредвзятом представлении фактов, феноменов (речь, естественно, идёт об отражении в энциклопедических изданиях гуманитарного знания). С одной стороны, отчётливо и даже назойливо проявляется тенденция к дистанцированию от идеологизированности энциклопедий советской эпохи: так, рекламируя универсальную энциклопедию в 60-ти томах, издательство «Терра» заявляет, что в ней осуществлён полный пересмотр предшествующих знаний, хотя очевидно, что полный пересмотр, ревизия устоявшихся знаний и представлений – это абсурд. Научная традиция, отражаемая в энциклопедиях, не существует вне преемственности. На самом деле энциклопедии советского времени были разными, и было бы несправедливо видеть в них одну только «монструозность». (Напомню

лишь о замечательных статьях, написанных, в частности, С.С. Аверинцевым, в составе «Философской энциклопедии» или о «Краткой литературной энциклопедии», в которой имеется немало ценных статей.)

Но главное: гуманитарное знание по природе своей идеологизировано, пусть обычно скрытно, «прикровенно» или даже неосознанно. Неидеологизированного гуманитарного знания нет. Несколько примеров из русской и советской филологии. Такое течение конца 1910–1920-х гг. в изучении литературы, как так называемый «формальный метод» (представленный прежде всего ОПОЯЗом), укоренено в футуризме с его революционностью; идеологические основы (впрочем, не всегда одинаковые) были у структурализма, а эстетика М. М. Бахтина имеет очевидную религиозную природу. Гуманитарное знание идеологизировано и сейчас (условно можно выделить две линии – «либеральную» и «национально-патриотическую»). Как же должны быть соотношены с идеологизированным гуманитарным знанием энциклопедии? Естественно, неприемлемы откровенная идеологичность и ангажированность, ведущие к непереносимой однобокости, т. е. к явной лжи. Безусловно, энциклопе-

дическая статья должна быть свободна от публицистичности и прямой оценочности – но сам отбор материала уже не свободен (начиная с составления словника). Полная свобода от идеологичности невозможна и не нужна, поскольку идеологические элементы входят в интерпретацию культурного феномена и порою уже никак не могут быть «отслоены» от него: энциклопедическая статья в той или иной мере должна представлять спектр различных существующих интерпретаций.

Но, безусловно, энциклопедия не может строиться на основе постмодернистской парадигмы: представление некоторого бесспорного знания составляет сущность энциклопедии как издания; если постмодернистская энциклопедия и возможна, то лишь как самоотрицание энциклопедичности.

Энциклопедия должна представлять современный взгляд на те или иные предметы с учётом аксиологии, ценностных систем тех эпох, к которым принадлежат рассматриваемые, упоминаемые произведения, культурные феномены (в частности, это важно в случае «советской парадигмы»). Так, можно спорить о художественных достоинствах «Тихого Дона», но нельзя не отметить роли этого произведения в советской литературе (прежде всего в советской в собственном смысле слова – в официальной) и идеологии. Особо сложная ситуация – с представлением в энциклопедиях современной литературы (независимо от того, как определять временные границы «современности»). Здесь нет «ценностей незыблемой скалы» (Осип Мандельштам), и, между прочим, культурный фильтр, осуществляющий отбор, работает часто произвольно. Один пример: в 1990 г. были напечатаны отдельной книгой повесть Алексея Гомазкова «О, граф Арго» и несколько рассказов. Они просто не были замечены критикой, хотя – берусь это утверждать с абсолютной убеждённостью – повесть «О, граф Арго» ничем не хуже, если не лучше прославившихся постмодернистских романов Пелевина или Сорокина, с

которыми, будучи также постмодернистским сочинением, она имеет некоторое сходство.

В этой связи коснусь вопроса о том, насколько полно должны быть представлены в универсальных энциклопедиях персоналии писателей, особенно современных. Вспоминается упрек некоего поэта в одном окололитературном издании в адрес обзорной статьи «Русская литература» в «Новой Российской энциклопедии». Он сказал, что словесность последних десятилетий не представлена с должной полнотой, ибо многие литераторы, которых надо было «упомануть», названы не были. Но энциклопедия, слава богу, не «поминальник», и в обзорной энциклопедической статье должны быть представлены скорее тенденции, нежели имена. Должна быть очерчена эволюция жанров, прослежены течения и группы. А отдельные, даже замечательные, писатели не всегда представляют эти тенденции; для более или менее бесспорно значимых литераторов «предназначены» персональные статьи. Что может быть критерием отбора? Резонанс, признание в той или иной литературной среде, «цитируемость» (но в литературе, а не в пиар-текстах), отчасти – мнение литературных критиков.

При отражении литературной ситуации советского и постсоветского времени в энциклопедиях (как и при её изучении) должен, по-моему, найти отражение такой факт, как исчезновение, разлом единого культурного и собственно литературного пространства: нет единой литературы, есть несколько автономных, практически не соотносящихся друг с другом литератур. При этом недавний «андеграунд» стал «мейнстримом», что делает ситуацию абсурдной. (Весьма красноречива, хотя, полагаю, несостоятельна обида литератора недавнего «андеграунда» Дмитрия Александровича Пригова на причисление его к нынешнему литературному «официозу».)

Относительно целостный взгляд возможен лишь «извне» ситуации, со стороны, когда уже есть временная и культурная ди-

станция. (Вспоминаются в этой связи замечания такого гениального учёного, как А.Н. Веселовский, недавно повторенные М.А. Гаспаровым: внешний взгляд позволяет увидеть свойства словесности, её стереотипы и традиционный характер, которые ускользают от взгляда современника.)

Ещё одна проблема связана с мерой отражения актуального научного знания в энциклопедиях. Энциклопедия – жанр, отличающийся природным консерватизмом: в ней представлено прежде всего устоявшееся знание. А традиционализм может приводить и к очевидным конфликтам с актуальными научными идеями. Он проявляется прежде всего в языке описания культурных феноменов. В энциклопедиях, например, при их характеристике неизменно используются термины, обозначающие литературные направления (художественные методы): классицизм, романтизм, реализм. Однако очень часто эти термины – внешние по отношению к характеризваемым феноменам – не входят в сознание, в язык создателей произведений, а выведены апостериори на основании каких-то явлений, произведений, потом же перенесены (часто без достаточных оснований) и на другие. Оправданность и плодотворность применения этих терминов в современном гуманитарном знании поставлены под сомнение. Но энциклопедия, по самой природе своей ориентированная отнюдь не на узкий круг специалистов и даже вообще не на специалистов (энциклопедическая статья, являющаяся оригинальным научным текстом, – это блестящее нарушение правил жанра), должна прибегать к понятному читателям понятийному языку и потому вынуждена оперировать устоявшимися, пусть и спорными, терминами. Но в самой энциклопедии понятийный аппарат должен стать предметом рефлексии.

И последнее. Здесь прозвучала неоднократно мысль, что читатель энциклопедий – это в идеале энциклопедически образованный человек, что энциклопедии стремятся к его созданию, воспитанию.

Также высказано было опасение, что в связи с деградацией уровня образования (но с этим пессимистическим утверждением согласились не все участники круглого стола) может упасть и интерес к энциклопедиям. Рискну поспорить и с первым, и со вторым утверждением: потребитель энциклопедических знаний – это часто человек, стремящийся получить всё сразу, под одной обложкой и без особых усилий. Причём отнюдь не для приобретения универсального знания: стойкий читатель энциклопедий – это, например, участник разнообразных денежных игр-викторин. Энциклопедически образованный человек и читатель энциклопедий – фигуры разные. Я не являюсь большим оптимистом в отношении перспектив образования и уровня знаний в России, но не сомневаюсь, что вероятное падение уровня образования никак не скажется на спросе на энциклопедии (а он сейчас высок: энциклопедии – пусть не все – это выгодные коммерческие проекты). Кстати, студентам, например, для обучения энциклопедии, по крайней мере универсальные, а не специальные, не столь уж необходимы. Но хорошие энциклопедии, конечно, нужны, и они в какой-то мере, может быть, и могут противостоять негативным тенденциям, о которых было сказано.

Б. БИМ-БАД: «Половина человечества в XX веке стала жертвой Большой лжи именно потому, что узкий специалист не имел кругозора»

Хочу начать с краткого воспоминания о сравнительно недавнем посещении Греции. В Афинах на автобусной остановке я вдруг увидел фургон, на котором было написано «метафора». Это произвело на меня колоссальное впечатление: я был в колыбели моей культуры, где мои термины, мой язык имеют реальный жизненный, бесспорный и совершенно точный, однозначный смысл. Действительно, «метафора», которая для нас означает перенос смысла, по происхождению – тележка для перевозки чего-либо из одного места в другое. Я бы предложил

к энциклопедии подойти тоже с точки зрения этимологии. Энциклопедия по-гречески – *круг знаний*. И в этом смысле заключено огромное количество смыслов, бесчисленное количество матрешек. Ведь абсолютно очевидно, что и сам термин «энциклопедия», и сама энциклопедия родом оттуда, откуда и тележка. И первый великий энциклопедист Аристотель оттуда, что совершенно бесспорно для всего человечества.

Что же значит – *круг знаний*? Для меня это означает, что мир неисчерпаем, что знание о нем неисчерпаемо, что никаким кругом охватить это знание невозможно по природе вещей. И что единственная возможность – ориентироваться в общем, например понимать структуру минерала, его устройство, его главные пружины, его скелет. А потом на этот скелет все время что-то нарастает, в разные эпохи – разное, для этого и нужно очертить круг. Возьмите растущего ребенка. Он еще маленький, но у него уже есть кругозор, и его энциклопедию заполняют такие талантливые авторы, как М. Ильин, Е. Сегал, которые рассказывают о том, например, откуда пришел стол, – очерчивают круг знаний, пока еще очень небольшой, но который становится все больше, все глубже и серьезнее. А потом ребёнок растёт, и круг его зрения – его кругозор – увеличивается, и наконец человек дорастает до энциклопедии в современном смысле, которая, конечно, претендует на самый большой кругозор. Но все равно – это только лишь круг, посильный и доступный нашему зрению. С этой точки зрения в истории образования энциклопедия – не справочник, и даже не ориентатор. Энциклопедия – это и знак, и символ, и содержание общего образования – того общего образования, без которого ни один узкий специалист не может выжить в этом мире, потому что если он не имеет наполненного содержанием кругозора, то он – неперемная жертва первого попавшегося политического шарлатана.

Я говорю о «Теории Большой лжи»,

которая родилась во Франции (имею в виду Густава Лебона) и на которой основывалась пропаганда Геббельса. И я говорю о своей отчизне, о своем отечестве. Вообще, половина человечества в XX веке стала жертвой Большой лжи именно потому, что узкий специалист не имел кругозора. Такого человека легко обмануть и дать ему простое и ясное миропонимание, и ему это будет не просто лестно, для него это будет спасением и счастьем. Такой человек будет благодарен, как своим родителям, тем, кто дает ему простое, бесконечно примитивизированное, следовательно – заведомо ложное понимание мира. И только в этом случае можно вести человека за собой, обманывать, заставить его убивать ближнего, делать с ним все что угодно. Поэтому без кругозора, без энциклопедий – в точном, единственно правильном смысле этого слова – человечество погибает.

Любая достойная педагогическая программа всегда основывалась на «круге знания», потому что человек не может жить сколько-нибудь уверенно, надежно и правильно в этом бесконечном мире, если у него нет ясно очерченного кругозора. И всегда этот кругозор давало образование. В Средние века – это свободные искусства, потом число знаний значительно расширя-

ется. Но это всегда – «круг знаний». Всякое образование, заглушающее творческие способности человека, дезориентирующее его, готовящее узких специалистов, т. е. опасных для себя и для человечества людей без кругозора, без энциклопедий, – порочно. Такое образование разрывает идею круга и всегда дает не концентрическое, а линейное построение учебного плана. В частности, и наши школы, несмотря на то, что иногда в них встречаются действительно замечательные учителя, которые держат мир, ответственны за недоразвитие человеческих способностей, за оглушение их зубрежкой. Сегодня образование в целом – и как современная идея, и как учебный план, и как содержание – это преступление против человека, человечности и человечества. И один из способов сделать образование таковым – лишить его компоненты под названием «Энциклопедия», «Круг знаний».

Но есть и другая сторона проблемы, и это – установки самой энциклопедии. К сожалению, коммерциализация привела к тому, что энциклопедия стала, стыдно сказать, всего лишь справочником. Справочником стала та самая Энциклопедия, которая должна была сказать, как это было во времена Аристотеля, что существуют такие-то школы, направления, течения, подходы, гипотезы, теории, и должна была обрисовать круг – не знания, это невозможно, – но познания. Эта Энциклопедия должна давать четкое и ясное представление о том, что делается в современном познании. И это как раз исчерпаемо, это не бесконечно! Энциклопедия была бы чудом и спасением, ведь сейчас и энциклопедии, и учебники просто обманывают несчастных жертв, пользуясь беззащитностью их детской эрудиции и младенческого сознания. Они вещают от имени науки. Какой науки? Нет в познании ничего устоявшегося! Не должно и не может быть! Тематика познания базируется на непрерывной дискуссии о природе количества, о природе числа, никто не может начертать даже основополагаю-

щих категорий знания. Как можно вещать от имени науки, когда наука – это дискуссия?! Когда наука – это вечный спор, непрерывная битва! А то, что мы называем плодами науки, – это маленькие побочные «продуктики», «артефактики». А если наука – это дискуссия, так возьмите же дискуссию. Я сталкивался с тем, что современные энциклопедии отвергли ряд моих статей, стоивших мне невероятного труда, где я пытался честно сказать, какие есть спорные пункты в данной тематике. Когда я хотел рассказать, кто с кем не согласен, почему и что в результате получается, мне говорили, что это не энциклопедично. Эвальд Васильевич Ильенков, с которым я дружил как младший, опубликовал свою статью в «Философской энциклопедии», потому что редакция той «Философской энциклопедии» была энциклопедична. И более того, она давала несколько статей различных авторов, глубоко рисующих совершенно разные подходы и отражающих научную дискуссию.

Н. КУЗНЕЦОВА: Я все-таки позволю себе задать Вам, Борис Михайлович, вопрос. Мне послышалось какое-то противоречие в том, что Вы спели такую хвалу энциклопедиям и одновременно подчеркнули дискуссионный дух науки. Дело в том, что я очень хорошо Вас понимаю как педагог. В прошлом году студентка философского факультета РГГУ задала мне искренний вопрос: «Неужели ученые спорят?». То, что учёные о чём-то могут спорить, – для нее дикость. Они же «учёные»! Она читает учебники, читает энциклопедии... и задает этот вопрос, потому что только из моей лекции или из какой-то книги узнает, что учёные спорят. Конечно, это чудовищно! Но в некотором смысле, обратите вни-

мание, если мы будем ориентировать студентов на пользование энциклопедиями, они будут задавать этот вопрос всерьез. Живая наука и энциклопедическое представление ее – здесь есть какое-то противоречие. И, с одной стороны, мы страстно хотим, чтобы люди были энциклопедически образованными, с другой стороны, разве вы не видели многознаек, которых никакие знания уму не научают? Энциклопедически образованный человек – зануда предельный! Никакого творческого мышления! Если вы ему предлагаете обсудить насущную проблему, то он отвечает примерно так: «Ну, с точки зрения этимологии это будет так-то и так-то...» Или: «Об этой проблеме писали такие-то авторы...» И слушать его невозможно. Так как же быть?

Б. БИМ-БАД: Вы пропустили одно умное слово – *общее образование*. Энциклопедичность имеет отношение к общему образованию. Что такое общее образование? Это то, что развивает общие, генеральные человеческие способности. Что такое генеральные человеческие способности? То, что пригождается в любой деятельности, – например, память, мышление, внимание и некоторые другие совершенно замечательные навыки, которые всегда нужны. Наряду с общим есть специальное образование, и слава Богу! Пусть будут узкие специалисты, но никто при этом не мешает каждому из этих замечательных и уважаемых специалистов владеть еще и общим образованием. Давным-давно было сказано, и не мной: надо понемногу знать обо всем и все – о немногом. Можно ли «понемножку» знать обо всем? И нужно ли? Я отвечаю – да! С помощью кругозора, а кругозор – это энциклопедии.

Окончание следует.

Энциклопедия. Энциклопедизм. Высшее образование

18 января 2006 г. в Институте Латинской Америки РАН издательство «Энциклопедия» и журнал «Высшее образование в России» провели дискуссионный круглый стол на тему «Энциклопедизм, энциклопедические издания и высшее образование в России: история и современность».

Напоминаем нашим читателям, что первый круглый стол на тему «Энциклопедизм, энциклопедические издания и высшее образование в России» состоялся в октябре 2004 г. в Институте человека РАН. Материалы дискуссии опубликованы в журнале (2005, № 8, 9).

В обсуждении приняли участие: ведущая круглого стола – *Кузнецова Наталья Ивановна* – д. филос. н. (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН); *Карев Владислав Михайлович* – к. ист. н. (издательство «Энциклопедия»); *Сапунов Михаил Борисович* – к. филос. н. (журнал «Высшее образование в России»); *Бим-Бад Борис Михайлович* – д. пед. н., академик РАО (ректор Царскосельского лицея); *Сизоненко Александр Иванович* – д. ист. н. (Центр научных энциклопедических изданий Института Латинской Америки РАН); *Рашковский Евгений Борисович* – д. ист. н. (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); *Бородулин Владимир Иосифович* – д. мед. н. (издательство «Энциклопедия», НПО «Медицинская энциклопедия»); *Ранчин Андрей Михайлович* – д. филол. н. (МГУ им. М.В. Ломоносова); *Одинокова Людмила Юрьевна* (журнал «Высшее образование в России»); *Глебова Лариса Сергеевна* (издательство «Энциклопедия»); *Сазонова Зоя Сергеевна* – к. физ.-мат. н. (Московский автомобильно-дорожный институт); *Магомедмирзаев Руслан Магомедмирзаевич* (издательство «Олма-Пресс»); *Роговой Валентин Михайлович* – д. геол.-минерал. н. (Всероссийский НИИ экономики минерального сырья); *Дроздовский Алексей Александрович* (международная общественная организация «Студия биосферной архитектуры», общественная лаборатория «Информационные традиции»); *Задорожнюк Иван Евдокимович* – к. филос. н. (Современная гуманитарная академия); *Шафиков Александр Вячеславович* – к. пед. н. (Государственный университет – Высшая школа экономики).

Первая часть материалов круглого стола опубликована в №9 за 2006 г.

А. ШАРИКОВ: «Энциклопедия – всегда знак прошлого»

Тема моего выступления – «Энциклопедии как средство массовой информации». Я представлю некоторые свои размышления по такой не совсем обычной теме.

Зададимся таким вопросом: что объединяет энциклопедию как явление и как средство массовой информации? Ответ простой: в обоих этих аспектах она является единицей массового коммуникационного процесса, если понимать последний в самом широком смысле слова. В то же время энциклопедии как самостоятельному явлению и как средству массовой информации присущи весьма специфические функции. Некоторые авторы насчитывают их до пятидесяти. С моей точки зрения, ключевая функция энциклопедии – сохранение и трансляция культуры, передача ее от поколения к поколению в систематизированном виде. Кроме того, можно выделить еще две функции, на которые я хотел бы обратить внимание. Во-первых, это нормативная функция – т. е. введение определений, представление того свода, той квинтэссенции знаний об описываемом предмете, которые признаны профессиональным сообществом. Вторая функция может быть определена как регулятивная, поскольку в спо-

ре, в той самой дискуссии, о которой уже шла речь, энциклопедия часто выступает своего рода судьей, к которому обращаются для разрешения споров. Это происходит как на высоком научном, так и на производственном и даже на бытовом уровне.

Если посмотреть на свойства энциклопедии, то можно выделить следующие. Энциклопедия – всегда знак прошлого. Она фиксирует уже достигнутое, то, что уже прошло фильтр осмысления. И среди свойств энциклопедии очень важно отметить попытку представить полное знание в рамках, очерчиваемых жанром и материальной формой этого издания. В контексте, заданном энциклопедией как изданием, нужно стремиться к максимально полному представлению знания с количественной и содержательной точек зрения. Отсюда это сочетание своеобразного пространственно-временного аспекта, обеспечивающее некую неизменность. И когда мы произносим слово «энциклопедия», оно предполагает масштабность представляемого знания, его устойчивость, надежность, полноту и долговременность хранения.

Теперь сопоставим энциклопедию и средства массовой информации. Основная функция СМИ – социоинформационная, т. е. информирование о текущем, происходящем, передача актуальной социальной информации. В этом плане СМИ – воплощение сегодняшнего, сиюминутного, только что произошедшего. Это – поток настоящего времени. В нем мало места для рефлексии. СМИ – антирефлексивны или арефлексивны. Сегодня наблюдается тенденция к усилению развлекательности как функциональной составляющей СМИ, и она усиливается год от года. Таким образом, сравнивая СМИ и энциклопедию, мы противопоставляем актуальную социальную информацию и фундаментальное знание, т. е. сиюминутное и долгосрочное. С одной стороны – неотрефлексированные СМИ, с другой – отрефлексированные энциклопедии. Я бы отметил еще и этический аспект: сравнивая СМИ и энциклопедию, мы противопоставляем выбор человека на основе краткосрочных установок и его вы-

бор на основе базовых ценностей. Следовательно, СМИ и энциклопедии стоят на разных полюсах массовой коммуникации.

Следующий вопрос: каково место энциклопедии в деятельности СМИ и каково место СМИ в энциклопедической деятельности? Это интересный аспект, над которым я работаю, потому что имею честь быть автором статей в различных энциклопедиях на эту тему. Я знаю, что на полках руководителей уважаемых СМИ, как правило, стоят энциклопедические издания. Иначе говоря, они не хотят выходить из этого круга и разрывать его. В библиотеках СМИ энциклопедии присутствуют обязательно. Однако должен заметить, что это в большей степени касается печатных изданий, нежели телевидения и радио. На телевидении приятное исключение составляет первая пятерка каналов, которая весьма трепетно относится к энциклопедическим изданиям, но зачастую в материалах СМИ энциклопедические материалы цитируются абсолютно без ссылок. Заглавия новых изданий в СМИ упоминаются редко, любая книга рассматривается как товар, а ее упоминание в СМИ – как реклама.

Энциклопедии отвечают СМИ «взаимностью». В чем это проявляется? СМИ в энциклопедиях представлены очень скупо: например, если из многих десятков тысяч статей в энциклопедиях хотя бы два десятка посвящены СМИ, то это очень много. Иными словами, здесь наблюдается удивительное взаимодействие. Сколько раз мы обсуждали вопрос о том, что должна быть тематическая энциклопедия по СМИ или хотя бы по каким-то ее частям! Это могло бы быть или энциклопедическое издание «Телевидение и радиовещание», или «Массовые коммуникации», или «Журналистика», или нечто подобное. Но почему-то такая идея не приживается.

Конечно, выходили тематические словари и справочники, но это не энциклопедии, а издания другого уровня. Кроме того, мы столкнулись с неожиданными трудностями, когда пытались ответить на вопрос о том, кто из персоналий войдет в такой энциклопедический список. Мы с трудом

набирали десяток фамилий, потому что, как правило, люди, возглавляющие СМИ, – это функционеры, и в советское время их перемещали постоянно. Сегодня некто возглавлял министерство, допустим, сельского хозяйства, завтра – атомную энергетику, послезавтра – министерство печати. Руководители как бы ходят по кругу, а журналисты – проходящие фигуры. Часто они себя проявляют в какой-то другой сфере гораздо более ярко, чем в журналистике. Вспомните Е.М. Примакова, он был ярким журналистом, но не в этом заключалась его главная функция.

Следующий интересный вопрос: каково взаимоотношение энциклопедии с новыми информационными технологиями, с Интернетом? В русскоязычном Интернете (Runet) представлено много энциклопедических изданий в электронной форме. Самый большой сайт – Рубрикон, где, как там указано, доступны в электронной форме 62 энциклопедических издания (энциклопедии и словари). Среди них есть, например, «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона (1890–1907), «Большая советская энциклопедия» (3-е изд., 1969–1978), «Российский энциклопедический словарь» (2001), «Всемирный биографический энциклопедический словарь» (2001), энциклопедия «Мифы народов мира» (1987–1988), энциклопедия «Народы и религии мира» (1998), энциклопедический словарь «Всемирная история» (1999) и др. Но доступ к ресурсам платный, стоят эти услуги \$39 в год.

В Интернете возникло еще одно очень интересное явление – проект «Википедия». Это свободная многоязычная энциклопедия, в которой каждый может изменить или дополнить любую статью, а также создать новую. С одной стороны, такая система впечатляет, с другой – шокирует. Если бы в этой энциклопедии были представлены только безупречно подготовленные материалы и статьи отбирались по критерию качества, то она представляла бы большую ценность. Но если каждый может менять содержание статьи по своему желанию и с разными целями, тогда оказывается, что в

«Википедии» возможны как серьезные материалы, так и просто дилетантские, непрофессиональные. Тем не менее я знаю людей, которые активно пользуются «Википедией». Недавно аспирант из США рассказал мне, что преподаватели предлагают пользоваться статьями в «Википедии» в качестве учебных материалов.

Раздаются голоса, предрекающие смерть бумажной энциклопедии. Многие люди говорят, что бумажные версии – это уже устаревшие формы, никому не нужный архаизм и что энциклопедия должна существовать в электронной форме в Интернете. Я не разделяю этой позиции. Развитие средств массовой коммуникации подчиняется закономерностям медиагенезиса.

И одна из этих закономерностей, о которой писали еще 20 лет назад (Владимир Борева и Александр Коваленко из Института Латинской Америки), заключается в том, что каждое новое средство коммуникации не уничтожает старое, а заставляет его адаптироваться к новому состоянию. Например, когда появилось кино, все говорили, что теперь книга исчезнет, потому что все будут ходить в кино. Когда появилось радио, все стали говорить о том, что должны быть уничтожены газеты, потому что радио все расскажет. Однако радио не уничтожило ни газет, ни журналов, они продолжают успешно развиваться. Телевидение должно было уничтожить и кино, и радио, и все остальное, но не уничтожило. По моему мнению, Интернет не уничтожит уже существующих средств коммуникации, он просто будет стимулировать развитие других форм. Конечно, Интернет обладает некоторыми выдающимися качествами, среди них – большой объем накопленной информации, а также возможность быстрого поиска.

Еще одна закономерность медиагенезиса – стремление к сиюминутности, к мгновенной передаче информации. Преимущество Интернета состоит в том, что информация организована по принципу гипертекста, это сплошные ссылки, что очень важно для процесса сворачивания или разворачивания информации.

Отмечу такое важное его свойство, как мультимедийность, т. е. возможность представления информации в разнообразных семиотических системах и формах. Это не только статичное изображение, но и аудиовизуальное представление, т. е. то, что невозможно в книге.

Несомненно, у Интернета есть и существенные недостатки, я отмечу два наиболее принципиальных. Первый – отсутствие гарантий качества информации, и «Википедия» может служить тому ярким примером. Злые языки говорят, что Интернет – большая информационная свалка, и с этим трудно не согласиться. Зайдите на Rambler и запросите наиболее посещаемые сайты. Вы получите сайты школьных и студенческих рефератов, которые будут занимать приблизительно первые 200 позиций по рейтингу. Эти сомнительные рефераты характеризуют лицо нашего образования. Непонятно, зачем их хранить, если за них можно поставить только двойку, а то и единицу.

Следующая проблема – отсутствие гарантий долговременного хранения информации. Сайт легко появляется и столь же легко исчезает. Информация может быть изменена, и ссылка на сайт не гарантирует наличия в данный момент этой информации. Поэтому, как ни парадоксально, у нынешнего Интернета очень короткая память, можно сказать, что Интернет – это гигант с короткой памятью. Получается, что между ссылкой на веб-сайт и ссылкой на бумажный источник существует огромная разница. Ссылка на бумажный источник будет жить столько, сколько будут жить библиотеки и архивы.

А может ли в принципе электронная версия обрести долгожительство? Этот интересный вопрос напрямую связан с экономической гонкой. Не секрет, что все крупные корпорации, будь то IBM или Microsoft, чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы продвигать свой новый товар, а для этого нужно убирать все более ранние изобретения. Получается, что экономическая гонка напрямую связана с неизбежным изменением формата. Перевод информации

в новые форматы становится для рынка самостоятельной задачей.

А. ДРОЗДОВСКИЙ: Совсем недавно NASA столкнулось с тем, что хранящуюся в архивах в электронном виде информацию, записанную в 1950–70-е гг., оказывается, невозможно прочесть. Информация хранится, но нет средств, с помощью которых можно было бы ее прочитать.

А. ШАРИКОВ: Я об этом и говорю, это общая проблема – не только Интернета и компьютерных технологий. Она касается, к примеру, кинофонда и т. п.

Н. КУЗНЕЦОВА: Спасибо за такую постановку вопроса. Очень интересное обострение проблемы.

А. ШАРИКОВ: Могу добавить, что аналогичные проблемы возникают и на личном уровне. У меня персональный компьютер появился в 1992 г., и сейчас я не могу считать многие созданные в то время файлы. Кроме того, существуют проблемы физического износа, вирусов и т. д. Поэтому я твердо уверен, что печатные энциклопедии не исчезнут. У них есть преимущество долгосрочного хранения. Добавлю, что люди гуманитарного склада с большой вероятно-

стью будут использовать бумажные формы просто потому, что открывать книгу очень приятно.

И последний вопрос, на котором я хочу остановиться, касается перспектив развития энциклопедических изданий и их взаимодействия со СМИ. На мой взгляд, потребность в энциклопедиях у людей отнюдь не уменьшается. В социальном развитии последних столетий можно выделить такую яркую тенденцию, как неуклонный рост числа людей с высшим образованием. За последние 15 лет наблюдается резкое увеличение количества вузов. Вузы превращаются в подобие средней школы, но в количественном отношении их рост совершенно сумасшедший. Мне кажется, что ни один вуз не может обойтись без энциклопедий, следовательно, потребность в энциклопедических изданиях будет расти. Будут продолжаться процессы дифференциации, диверсификации энциклопедических изданий по самым разным основаниям: по формам носителей информации (бумажные и электронные), по формам организации знаковых систем (визуальные, аудио и т. д.), по уровню содержания объемов информации. Сейчас мы наблюдаем тяготение к двум полюсам: большим многотомным изданиям (30–40 томов) и альтернативе – маленьким энциклопедическим словарям (1–2 тома). Пока остается более или менее свободной «средняя ниша». Я думаю, она будет заполняться, с одной стороны, за счет очерчивания чуть меньшего круга с более плотной информацией (больших энциклопедий), а с другой – за счет расширения числа энциклопедических справочников. Многих может привлечь средняя ценовая ниша подобных изданий. Вероятно, следует ожидать появления новых форм энциклопедических изданий, построенных в логике интерактивных коммуникаций. «Википедия» может быть взята за основу, но в некотором цивилизованном варианте – с адаптацией, с непрерывным пополнением информации. Такая форма, мне кажется, должна возникнуть, и это будет разновидность энциклопедического издания с переменным содержанием. А СМИ будут продолжать суще-

ствовать как инструмент для реализации маркетинговых коммуникаций, как средство политтехнологий, рекламы, PR, и это надо воспринимать как данность.

Н. КУЗНЕЦОВА: Мы довольно мощно развернули в разные стороны тему энциклопедии, ее актуальной проблематики. Тем не менее я жду выступления представителей энциклопедий. Как они осознают свои потребности и трудности? Что надо учесть издателям, на кого необходимо ориентироваться? Кто выступает «планируемым пользователем», в какой форме и что именно следует издавать? Например, ни в одной энциклопедии нет статьи «Человечество». Нет такой реальности, и непонятно, что о ней написать. Таким образом, в энциклопедических отражениях наблюдается много разного странного.

Прошу обратить внимание на следующие проблемы. Конечно, издателя интересует связь с пользователем, «обратная связь», но важен еще и успех на рынке. Наверное, вас вдохновляет мысль, что ваша работа играет огромную роль для высшего (и наивысшего) образования, включая, бесспорно, самообразование. Сама я страстно люблю энциклопедию, у меня дома собралась уже целая коллекция различных энциклопедических

изданий – как больших, так и маленьких. Должна сразу сказать, что электронные формы обожаю по очень простой причине: в квартире просто нет больше свободных мест на книжных полках. Были у меня в свое время бумажные версии как второго, так и третьего изданий «Большой советской энциклопедии», но теперь, когда все это можно иметь в электронной форме, от бумажных форм удалось отказаться. Весь «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» сегодня представлен в виде нескольких дисков, да еще со звуковым и визуальным рядом иллюстраций. Существуют, как вы хорошо знаете, роскошные, уникальные энциклопедии по истории изобразительного искусства! Эти электронные формы потрясают воображение, предоставляют такие возможности, о которых еще в 1990-е гг. не приходилось мечтать. Хотелось бы, чтобы вы обратили внимание на эти формы издания, учитывая «квартирные» и финансовые возможности пользователей. К сожалению, даже очень достойная «Новая философская энциклопедия», получившая Государственную премию 2004 г., пока не планируется к выпуску в цифровом формате, а как бы это было важно для студентов и педагогов!

Я хочу вас попросить задуматься о педагогической составляющей всего этого дела. У Бориса Михайловича Бим-Бада была, с моей точки зрения, гениальная педагогическая идея, что некоторым универсальным медиатором в образовательном процессе является философия. Борис Михайлович, будучи ректором Университета Российской академии образования, акцентировал эту роль философии как ведущую идеологическую установку всего педагогического процесса в данном университете. Он подчеркивал неоднократно, что именно философия должна пронизывать высшее образование, быть его стержнем, потому что она дает возможность человеку получить точку отсчета, стать личностью (универсальным человеком), а не просто специалистом. Хочу обратить внимание на очень важное различие, которое он провозглашал, – между «специальностью», которую

можно получить в вузе, и возможностью получить в вузе «образование». Он неустанно разъяснял, в чем различие между «специалистом» и «образованным человеком». Для педагогики, мне кажется, это чрезвычайно важное различие, указывающее генеральные смысловые ориентиры.

Как же создать именно систему «образования»? Когда и при каких условиях это возможно? В чем отличие подобной педагогической стратегии от технологий получения «специальности»? Этот вопрос особенно важен для университетов, которых у нас теперь так много, что хочется сразу прибавить: слишком много! Почти каждый специализированный институт, если сумел, объявил себя университетом или же академией. Но если вернуться к истокам, то необходимо различать эти важнейшие для педагогической организации категории – образованность и специальность.

Что мы хотим от студента – чтобы он получил специальность или чтобы он получил образование? Конечно, потребность в «круге знаний», умение использовать энциклопедию позволяет человеку стать «образованным». И энциклопедия должна претендовать на то, что она предоставляет желающему возможность стать образованным человеком. Но ведь возможен совершенно другой подход.

Не секрет, что энциклопедии становятся все более узкими, специализированными: «минералогические», «географические», «страны и народы мира», «демографические» и т. п. Такие издания – не досужая выдумка, они и нужны, и важны. Энциклопедии, скажут издатели, весьма различны по задачам, по аудитории, к которой они обращены, по сегменту рынка, на который претендуют... Что скажут нам издатели?

В. КАРЕВ: Позволю себе одно замечание, необходимое при обсуждении вопроса о месте энциклопедий в системе современного знания. Энциклопедия не равна справочнику или словарю, и вот в чем состоит различие. Упомянутая здесь статья Ильенкова «Идеальное», опубликован-

ная в пятитомной «Философской энциклопедии», не могла бы появиться в справочнике или одностомном словаре. В его статье представлена развернутая авторская концепция идеального. В справочнике или популярном словаре такой подход был бы излишним, в них нужно другое. И хотя, например, в заглавии «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» содержится слово «словарь», это издание является полноценной энциклопедией, которая просто по традиции, восходящей к германской энциклопедической практике, получила такое название.

Справочник отличается от энциклопедии. В справочнике в статье о теореме Пифагора не надо пространно рассказывать, кто такой Пифагор, надо просто представить читателю саму теорему.

Н. КУЗНЕЦОВА: Если бы вам предъявили две статьи о Пифагоре, вы бы смогли определить, какая – из справочника, а какая – из энциклопедий?

В. КАРЕВ: Разумеется. В справочнике, кроме дефиниции, объясняющей, что Пифагор – древнегреческий математик, должна быть представлена формулировка теоремы Пифагора. В ней можно, конечно, переставить два-три слова...

Н. КУЗНЕЦОВА: Владислав Михайлович! Большая проблема тут кроется...

В. КАРЕВ: Согласен – большая, но тут возникает другой вопрос: посвящена статья Пифагору или же его теореме?

И второе... Существует еще одна проблема, с которой издателю приходится считаться. Статьи о теореме Пифагора в нашей «Новой Российской энциклопедии» просто не будет. Мы вынуждены заниматься сортировкой фактов и переносом специальных сведений в какие-то «запасники», в систему дополнительных изданий, которые могут быть и по математике, и по физике, и по химии и т.п. Дерево энциклопедистики уже слишком разветвилось! Невозможно вместить все специальное знание в универсальные энциклопедии, поэтому необходимы тематические и прочие издания, в том числе страноведческие, региональные и т. д. Их тоже называют «энциклопедиями».

Еще одна реплика – по поводу электронных энциклопедий. Александр Вячеславович правильно указал на Рубрикон: там присутствуют более 60 энциклопедий, т. е. обычных книг, оцифрованных и предложенных в электронном виде. К счастью, человек еще не изобрел механизм, который автоматически переводил бы поток его сознания в электронную форму. Человек должен сесть и – либо руками написать, набрать, либо продиктовать секретарю, пусть даже электронному, необходимую информацию. Пока чрево электронной энциклопедистики просто всасывает то, что было накоплено благодаря традиционному книгопечатанию, а уж дальше... Нам не дано предугадать, что там будет дальше.

Б. БИМ-БАД: Я хочу попытаться ответить на вопрос, в чем заключается разница между энциклопедией и справочником. Возьмем только «Британскую энциклопедию», хотя мне хотелось бы взять великую французскую «Энциклопедию». Но возьмем «Британнику», так как она продолжается, а та уже сделала революцию и потому погибла. В «Британнике» в свое время была опубликована

ликована статья Джона Стюарта Милля «Свобода». По сей день эта статья остается евангелием, или, точнее, энциклопедией мирового либерализма. В «Британнике» была опубликована статья Зигмунда Фрейда «Психоанализ». Психоанализ только зарождался, а «Британника» уже публикует такую статью! Как и участники великой французской «Энциклопедии», издатели «Британники» очерчивают направления развития в науке. А в «Энциклопедическом словаре» издателя Ф.Ф. Павленкова есть, например, маленькая статья «Владимир Ильич Ленин». Содержание такое: один из социал-демократов, много пишет.

В. КАРЕВ: Для времени издания словаря Павленкова – не так уж и плохо. А вот во французском «Малом Ларуссе» («Petit Larousse») конца 1930-х гг. в статье «Ленин» вместо имени дан псевдоним «Николай» и сказано, что он «лидер российской социал-демократии». Забыли указать, что он был правителем шестой части суши. А ведь самому Ленину нравились «Малье Ларуссы» начала века. Что он сказал бы об этом издании?

Н. КУЗНЕЦОВА: Михаил Борисович во вступительном слове говорил о референтной группе, к которой обращаются издате-

ли, которую они сами во многом создают и на оценки которой ориентируются. Мы все могли бы стать такой референтной группой и таким образом влиять на проекты энциклопедических изданий. Я хотела бы, чтобы Владислав Михайлович обратил внимание на высказываемые здесь замечания, если издатели всерьез заинтересованы в «обратной связи».

Борис Михайлович привел очень интересный пример статьи в «Энциклопедическом словаре» Павленкова, посвященной столь известной персоне. И вот еще один пример. Когда в Университете РАО доводилось до общего сведения, что университет располагает экземпляром «Британской энциклопедии», то в тот определенный момент времени это, безусловно, свидетельствовало об уровне данного учреждения. В УРАО можно было с этими томами работать, читать, разбираться, как сделано издание. И было очевидно, что мы имеем дело с иным, непривычным стилем энциклопедического представления знания. Не всегда можно точно определить, в чем состоит различие, но сразу ясно, что это – другой стиль. Это было очевидно для всех читателей.

Б. БИМ-БАД: В каждой большой статье «Британской энциклопедии» и по сей день есть специальный раздел – «*contravention issue*», т. е. проблемы, о которых спорят. Другими словами, издатели четко отделяют то, что более или менее признано ученым сообществом, от того, что является предметом дискуссии. И это безумно важно.

Н. КУЗНЕЦОВА: Господа издатели! Хочу обратить ваше внимание на следующее. У Бориса Михайловича – блестящая педагогическая интуиция. Когда в УРАО сообщалось, что мы предлагаем студентам не «Новую Российскую энциклопедию», а «Британскую энциклопедию», каждый поступающий, каждый учащийся и преподаватель чувствовал, что это – знак высокого качества университета. Но учли ли вы сами успешный, авангардный опыт «Британники», «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона?.. Боюсь, что в умах издате-

лей некоторые культурные парадигмы работают безо всякой рефлексии. Я вас сейчас, конечно, провоцирую. Приведу пример. В моем лекционном курсе надо дать представление о марксизме как философском течении XIX в., и мне надо рассказать о Карле Марксе. Я говорю студентам: вы можете воспользоваться энциклопедией, но знаете ли вы, кто является автором статьи о Карле Марксе для советской «Философской энциклопедии» 1960-х гг.? Автор – Владимир Ильич Ленин! Довольно любопытное решение для энциклопедии середины 1960-х гг., не так ли?! В «Новой философской энциклопедии» – совершенно иная статья. Она небольшая, и там все содержание марксизма представлено через категорию отчуждения. И мои студенты не смогут составить себе представления о Карле Марксе, выдающемся мыслителе XIX столетия, если прочитают соответствующую статью в «Новой философской энциклопедии». А Ленин написал хорошо, ясно, четко, рассмотрел все важнейшие параметры марксистского учения, дал подробный биографический очерк, привел обширную библиографию, включая обзор основных работ главных критиков марксизма. Одним словом, Ленин был достойным автором «Энциклопедического словаря Гранат». И я искренне говорю студентам: если вы хотите понять, как Маркс пришел к своим идеям, увидеть идейный генезис марксизма, надо прочитать статью А. Баллаева в «Новой философской энциклопедии», но о вкладе К. Маркса в общественную мысль вы отсюда не узнаете. А вот Ленин написал об этом очень хорошо... Студенты удивляются.

Сам по себе факт интересный. Если есть возможность, надо хранить различные издания в личной библиотеке. Тогда вы можете сравнивать изменения оценок с течением времени. Словно вживую видишь Суд истории. Кто-то из выступавших сказал: «Энциклопедии – это свод сведений и оценок». Я хочу обратить ваше внимание на последнее слово, потому что информации не существует без оценки.

Понаблюдайте за динамикой! Как-то на большом семинаре в Институте всеобщей

истории в конце 1980-х гг. (на дворе уже вовсю шла перестройка) Вячеслав Всеволодович Иванов публично заявил: «Маркс – величайший мыслитель XIX столетия». Это было освобождение, это было появление точки над «i». Величайший мыслитель, но – XIX столетия. Что же тут прибавить? Гуманитарии долго ждали подобной фразы! Дарвин не мог обладать знаниями по генетике, но он остается величайшим мыслителем XIX столетия. Для естествознания было нормально так его оценивать. А к Марксу мы, гуманитарии, относились несколько иначе. Уважаемые издатели энциклопедий, мы хотели бы, чтобы вы обратились к анализу динамики оценок, когда решаете вопрос о том, что, собственно, должна содержать современная энциклопедическая статья на давно устоявшуюся тему, даже если речь идет о Пифагоре.

Владимир Иосифович говорил о постоянной систематизации накапливающихся знаний, которую призвана осуществлять энциклопедия. Но разве энциклопедия не должна быть по своей природе немножко консервативной? Она ведь – не авангардистский сборник авангардистских статей. Все-таки она должна описывать устоявшееся знание. И когда мы учим студентов пользоваться энциклопедиями, вероятно, самое главное – объяснить им разницу между устоявшимся знанием и тем, что относится к «переднему фронту» исследований. Вот – передовое слово, где «все не так». И вот – некоторые базовые знания, которые представляют энциклопедии. Так зачем же нужно энциклопедическое знание? Это вовсе не тривиальный вопрос. И в связи с этим предоставляю слово Людмиле Юрьевне Одиноковой.

Л. ОДИНОВА: «Энциклопедии должны постоянно обновляться – как обновляются антивирусные базы»

Что значит для энциклопедии быть «немножко консервативной»? И насколько консервативной? Мы все представляем, в каком быстро меняющемся мире мы живем. Я не говорю уже о медицине. Видимо, за успехами медицины не может уследить ни

один исследователь, а тем более врачи. Если возьмем развитие физики, то на какие издания можно опираться? Я преподаю в УРАО экологию, могу ли я ориентироваться на старые энциклопедии? Нет. Наверняка нет. Родоначальником экологического эксперимента принято считать Роберта Бойля, однако Э. Геккель вводит сам термин «экология» только в XIX столетии... А далее? Какой спектр экологических дисциплин мы имеем к сегодняшнему дню? Разговариваю с коллегами, которые преподают экологию исключительно как биологическую дисциплину. Они удивляются: что такое «социальная экология»? А у меня это – основной содержательный раздел лекционного курса. Насколько я помню, Наталия Ивановна Кузнецова в начале 1980-х гг. использовала термин «экология науки». Потом уже в конце 1980-х данный термин появился в научных публикациях. А теперь всем понятно, что имеют в виду, когда говорят: «экология науки», «экология культуры»; и вот уже появляется «экология преступности»... Дальше по этому образу и подобию формируется целый спектр социальных экологических дисциплин. Где мы можем увидеть отражение этой динамики в энциклопедиях?

Действительно, сколько лет создается бумажная форма? Не быстро. Мы все с вами прекрасно знаем, когда можно узнать что-то действительно новое. Обычно – на симпозиуме, только если это не такая большая занормированная конференция, где выступающие обмениваются чем-то проверенным, устоявшимся. Новая информация обычно появляется на небольших конференциях с четко сформулированной темой и ограниченным числом участников. И вот тогда возникает острая дискуссия, высказываются новые взгляды, и здесь рождается если не истина, то все же нечто новое.

Нередко новое появляется на лекциях. Потом лектор, может быть, напишет статью. Сегодня ее можно быстро опубликовать, но и на это нужно время. Потом еще через какое-то время статья превратится в монографию. А через какое время эта новая информация поступит в энциклопедию?

Сколько лет она будет издаваться? И сколько будет стоить? И сколько весить? Вообще, сколько энциклопедий мы можем поместить в свои квартиры? Все это я хочу привести к общему знаменателю, а именно – к необходимости хранения знания в электронной форме. Хотя я люблю листать книги и понимаю, когда их листаю, сколько дополнительной информации получаю... Скажем, я хочу найти годы жизни какого-то персонажа или узнать точное значение термина. Но по ходу поиска я вижу многое другое и говорю себе: «О, я еще это хочу прочитать, еще это, еще это...» Я люблю книгу, но не могу не отметить преимущество электронной формы, которое состоит в том, что она может обновляться очень быстро.

Все мы пользуемся компьютерами. Что такое антивирусная программа? Это программа, которую надо постоянно обновлять. Точно так же постоянно должны обновляться энциклопедии. Если говорить о технической стороне дела, то это возможно только для издания в электронной форме. Печатные издания выполняют свои задачи. И в отличие от них электронные издания должны идти все время вперед. Я не касаюсь экономических вопросов, хотя понимаю, что быстро обновляющаяся информация о развитии знания предполагает постоянный мониторинг науки, ее переднего края. Устоявшиеся воззрения, неизмен-

но возникающие новшества, статус-кво, то, что уже стало историей, – все это может быть зафиксировано в электронной форме. Видимо, это было бы слишком сложной задачей для печатных изданий, если говорить о технических возможностях.

З. САЗОНОВА: «Книга является основой развития теоретического мышления, понятийного мышления. И поэтому она никогда не будет исключена из нашей жизни»

Мне трудно не высказаться после выступления Людмилы Юрьевны. Вы говорили о естественно-научном знании. Я имею диплом инженера-физика. Закончив физико-технический институт, я работаю в инженерно-техническом вузе сразу на двух кафедрах: на кафедре физики и на кафедре инженерной педагогики. К энциклопедии я отношусь с большим уважением, и прежде всего – как к модели целостности мира и самого человека. И мне хочется защитить наше поколение, защитить стремление многих приобретать энциклопедии. Я вижу в этом попытки найти свои истоки, разобраться в своей сущности. Пусть попытки эти иллюзорны, пусть они остаются только намерениями, но как таковые они уже замечательный фактор познания. Кроме того, они свидетельствуют о стремлении расширить кругозор и почувствовать, что, действительно, нельзя смотреть на мир и на самого себя только из одной позиции. Хочется взглянуть и другими глазами.

Как я уже сказала, я преподаю и физику, и технические дисциплины. А инженер – совершенно особенный человек, род деятельности которого абсолютно многофункционален, абсолютно междисциплинарен. В настоящий момент ни для кого не секрет, что техносферу трудно отделить от натуральной природы, от нас самих. Мы видим, что компьютерные технологии создают виртуальные миры. Но конструировать техносферу, которая не может находиться в экологических отношениях с натуральной природой, т. е. гармонизировать с ней, – преступление, и поэтому возникают очень серьезные вопросы в связи с подго-

товкой будущих инженеров к их деятельности.

Если говорить непосредственно об инженерной деятельности, то здесь ученые, работающие в области технических наук, сделали, я считаю, колоссальный прорыв. Изобретена функциональная компьютерная систематика, которая помогла решить проблемы поиска самой передовой информации, без которой невозможно создавать наукоемкие технологии. А без них, в свою очередь, сегодня просто невозможно выжить. Изобретен всеобщий язык функциональных формул, каждая из которых кодирует объект, который она обозначает, не только морфологически, но и функционально. И это совершенно замечательная вещь, которой инженеры умеют пользоваться, по крайней мере те из них, кто работает на передовых позициях.

Образование здесь отстает. В последнее время бурно обсуждается вопрос о том, почему сегодня мы учим студентов старым методом, т. е. разрезаем все знание на отдельные дисциплины и идем вперед дробными дисциплинарными шагами. Нужно интегрировать знания, нужно смотреть на вещи более объемно. И я тоже много думала об этих вещах и поняла, что дисциплинарное знание, разумеется, имеет право на существование, но оно не должно исчерпывать собой всего знания. Каждая дисциплина является все-таки попыткой адаптации соответствующей науки. Цель каждой

дисциплины – обучить некоторым методам, подходам той или иной науки к изучению действительности, свойственным ей математическим способам обработки тех или иных данных. И раньше предполагалось, что толковый студент (исследователь) потом сам интегрирует эти знания. Теперь уже молодой ученый не может позволить себе ждать год или два, пока в его сознании завершится процесс интеграции знания. Нужно действовать прямо сейчас, пока голова талантливая и юная. Поэтому родилась мысль о внедрении методов функциональной систематики в учебный процесс.

Не случайно на Западе начались работы по проектам. Ведь проект предполагает создание некоторой целостности на основании некоторых фундаментальных знаний – тех знаний, которые дают отдельные дисциплины. Проект базируется на умении их связать, увидеть возможность их функционального взаимодействия для создания нового реального. Инженеры ведь создают реальность. И кое-что в этом направлении нам удалось сделать.

Конечно, компьютер дает колоссальные возможности, прежде всего – возможность мгновенного поиска необходимой информации. Печатные издания с этой точки зрения не могут с ним конкурировать. Ведь в поисках нужных данных приходится перелистывать многочисленные журналы, специализирующиеся по смежным проблемам. И, не владея языком функциональных формул, невозможно сразу найти именно то, что нужно. Поэтому перевод информации в электронную форму и, соответственно, накопление и хранение ее – колоссальное достижение. Но у книги есть неоспоримое преимущество. И связано оно с тем, что мышление является не только наглядно-образным, но и теоретическим. Наглядно-образное мышление может развиваться и реализовываться с помощью электронных носителей информации и мультимедиа. Массив информации, который они предоставляют за секунды, невозможно получить никакими другими средствами. Но книга является основой развития теоретического, по-

нятийного мышления. И потому она никогда не будет исключена из нашей жизни.

Н. КУЗНЕЦОВА: Спасибо. Я читаю воспоминания Симоны де Бовуар о детстве и юности, и она рассказывает, что еще ребенком замирала при виде книжных полок в семейной библиотеке. Я хорошо ее понимаю, поскольку дома у нас книг было больше, чем в школьной библиотеке. Я тоже замирала при виде книг, собранных папой. Я обожаю книги. Я обожаю держать их в руках. Есть что-то глубоко романтическое в том, что вы видите пожелтевшую страницу, оборванный корешок... Печатная книга должна жить. По-моему, большая правда содержится в словах Умберто Эко: «От Интернета – к Гуттенбергу». Я помню, Борис Михайлович ярко рисовал, как студент входит в библиотеку, где поблескивают переплеты «Британской энциклопедии»... Мы книжные формы должны культивировать. А с другой стороны, обратите внимание на то, о чем говорила Людмила Юрьевна. Действительно, всем энциклопедиям приходится издавать приложения. Иначе в них невозможно отразить накопившиеся новые данные – либо по тематике, либо по персоналиям... А электронная форма позволяет оперативно реагировать на новые явления. Людмила Юрьевна сказала понятное для экологов слово «мониторинг». А может быть, это очень точная категория и применительно к энциклопедии. Энциклопедия должна сознать себя как зеркало мониторинга современных знаний. Именно мониторинга знаний, не ревизии. Как историк науки я хорошо знаю, что знание переписывается и должно переписываться. Это совершенно нормально и, более того, соответствует духу образованного человека. Наука и знание переписываются – в новых контекстах, в иной интеллектуальной архитектонике. Я просто останавливаюсь сейчас на некоторых деталях нашего обсуждения, на которые, мне кажется, мы не всегда обращаем внимание. Так, Зоя Сергеевна говорила как инженер, и она совершен-

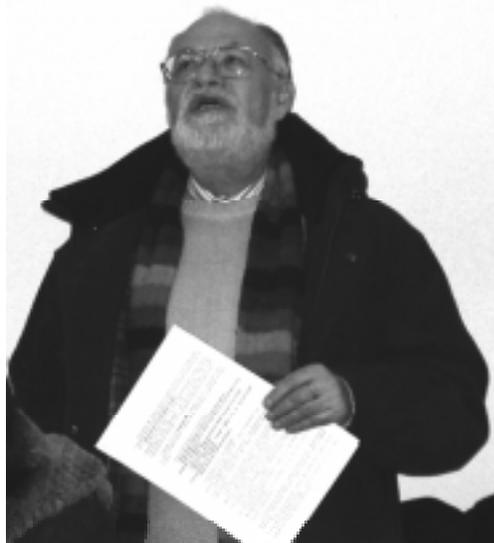
но правильно заметила, что деятельность инженера – на редкость многопрофильная, многопредметная. Люди этой профессии создают реальность. Инженер – фигура поразительная, и, поверьте мне, кризис инженерных кадров – первое, что грозит России, возможно, в ближайшем будущем. Я осознаю это как гуманитарий.

Сейчас я хотела бы дать слово энциклопедически образованному человеку, Евгению Борисовичу Рашковскому.

Е. РАШКОВСКИЙ: «Всякая развитая форма знания предполагает непрерывную перманентную ревизию»

Хорошие вузовские преподаватели часто называют студентов своими детьми. Вот пришли дети, дети с усами, дети беременные, дети с бородами, а для преподавателей они все равно дети. В некотором роде мы все дети, потому что мы дилетанты. Почему дилетанты? Потому что мы знаем только маленький, узкий фрагмент – свой предмет – и больше ничего не знаем. А об остальном мы узнаем из энциклопедий, из Интернета, по популярным журналам, популярной литературе, по тусовкам.

Я приведу пример из истории русской литературы. В оде Державина «Бог» я нашел следы знаний о Линнее, о Декарте, о Ньюtone и пр. Мы все дети, все дилетанты.

Правда, дилетанты бывают разные, бывают и безнадежные. Таковы люди, у которых разные знания ложатся какими-то не соотносящимися рядами. Кто-то сегодня позволил себе назвать их занудами. Я этих людей очень уважаю, даже при всей их безнадежности. У такого человека всегда можно что-то спросить и что-то узнать. Но есть дилетанты другого рода – находящиеся в состоянии перманентного внутреннего роста и обновления: в состоянии перманентной ревизии (простите за большевистский жаргон). Ведь всякая развитая форма знания, всякая развитая форма человеческого духа предполагает непрерывную перманентную ревизию. Собственно, такие люди чрезвычайно полезны в вузовской практике. Они – живые энциклопедии, которые не только знают, где и что можно найти, но и чувствуют, пусть интуитивно, динамику и ветвление нашего знания. Это люди, которые имеют какую-то философскую интуицию (здесь говорилось о важности философии), они что-то собирают и объединяют. Причем собирают и объединяют в себе не только непохожие дисциплины, но и непохожих людей – во время небольших семинаров, тусовок, лекций, которые оставляют пространство для дискуссий.

Давайте присмотримся еще к словам. Слово «образование» – это русская калька с немецкого «die Bildung», «das Bild» – это образ. Конечно, когда складывалось немецкое слово «Bildung», речь шла не только об образе человека, но и об образе творческого человека. Творческого, общительного. Стало быть, слово «образование» подразумевает не только владение некоторой суммой знаний. Образование – это владение некоторой интуицией общения между дисциплинами и общения между людьми. И понимание того, что разные люди имеют разные дисциплинарные или междисциплинарные призвания.

Я бы хотел закончить свое выступление неожиданной апологией А.В. Чайянову. Чайянов говорил, что, вероятно, самая креативная форма работы на земле – это семья. А мне кажется, что самая креативная форма вузовской работы и самая креативная

форма живой энциклопедии, книжной энциклопедии действительно близки. Ведь книжная энциклопедия, в отличие от энциклопедии электронной, сохраняет за человеком право на субъективное время, право на размышление. Так вот это право и этот самый принцип малой группы, которая входит в познание сообща, – вероятно, мы и должны сообща очень беречь и в вузовском деле. Мне кажется, что именно малыми группами с большими познаниями, с большой разветвленной мыслью определяется и становление разных секций, разных направлений энциклопедической работы. Об этом можно написать много.

Н. КУЗНЕЦОВА: Спасибо, Евгений Борисович. Мне кажется, действительно очень важно подчеркнуть некоторую педагогическую составляющую. Сейчас я хотела бы попросить выступить Александра Ивановича Сизоненко.

А. СИЗОНЕНКО: Я предлагаю спуститься на землю и поставить вопрос так: как нам быть ближе к народу? Как и многие из вас, я работаю не только в академическом Институте Латинской Америки, но и читаю лекции. Я довольно часто выезжаю в региональные университеты в разных городах нашей страны, где читаю спецкурс о взаимоотношениях России и Латинской Америки (история и современный этап). Я работаю в таком режиме примерно пять лет, и у меня накопился ряд наблюдений. Прежде всего, я должен сказать, что о наших энциклопедиях в регионах знают очень слабо. С одной стороны, это объясняется тем, что преподаватели загружены работой, а студенты живут своей жизнью. Во-вторых, это связано с тем, что они экономят на приобретении таких изданий. Возникает вопрос: а как это все сказывается потом?

Вот ближайший пример. Недавно состоялось двухдневное совещание в Учебно-методическом объединении вузов (при МГУ), в которых есть специализация по международным отношениям. Приехали представители 90 университетов, готовящих будущих чиновников, которые долж-

ны работать в администрациях. Я обнаружил, что люди в основном пользуются своими учебниками и пособиями. А вот о наших изданиях они знают мало. Возникает вопрос: как нам приблизиться к ним? У нас в институте мы не раз проводили читательские конференции. Почему бы нашим крупнейшим энциклопедическим издательствам не организовать подобные круглые столы в ведущих университетах страны? Где конкретно? В Волгограде, например. У меня уже были предварительные разговоры с представителями университетов. Везде к этой идее относятся очень хорошо. Организация таких встреч – вещь вполне осуществимая.

Энциклопедии становятся все более и более дробными, о чем свидетельствует наша энциклопедия Латинской Америки. Можно подумать о создании энциклопедии российской внешней политики. Преподаватели, выступавшие на совещании, говорили о том, что такое издание было бы полезным.

И последнее. Хотел бы ответить Александру Вячеславовичу, который говорил о том, как представлены СМИ в энциклопедиях, и в этой связи критиковал журналистов. Я сам когда-то был аспирантом факультета журналистики, и меня задело Ваши слова. Я мог бы назвать целую груп-

пу имен журналистов, заслуживающих упоминания в энциклопедиях. Если брать специалистов по Латинской Америке, то у нас были крупнейшие журналисты-международники всероссийского масштаба, такие как Хачатуров, Игнатьев, Никифоров, Яковлев, Егоров.

А. ШАРИКОВ: Я несколько обострил ситуацию. Я тоже могу назвать сотню хороших имен. Но проблема эта существует.

Н. КУЗНЕЦОВА: Обратите внимание на педагогическую составляющую проблем, которые нас интересуют. Вопрос в том, что мы должны делать, чтобы сформировать определенные качества и знания. И что именно мы должны формировать? Все это всегда рефлексировалось и обсуждалось. Но, видимо, ответы на эти вопросы необходимо сформулировать для издателей. Хотя, конечно, издатели могут работать и в отрыве от нас, от педагогов и других пользователей. Они могут просто предлагать свою продукцию на рынке. А мы будем думать, хороша она или плоха, купить или не купить... Мы будем обращать внимание на то, дорогая ли книга или дешевая, сколько места на полке займет то или иное издание и т. д. Аналогичные проблемы применительно к своей библиотеке будет решать любой вуз. Но разве не имеет смысла попытка соединить всех нас в едином проекте?

В. КАРЕВ: В одном томе текущей «Новой Российской энциклопедии» занято 500–600 авторов. Иными словами, в ее подготовке участвуют сотни коллективов, и обратная связь у издателей имеется. Энциклопедия является общим продуктом научной общественности.

Н. КУЗНЕЦОВА: Владислав Михайлович, я прекрасно понимаю, что это продукт научной общественности. Я имею в виду читателей, которые не принадлежат к научной общественности. Как авторы и читатели энциклопедий и любых изданий энциклопедического характера мы очень заинтересованы в вашей деятельности. В нашей с

вами совместной деятельности. Но есть еще пользователь. И важно, чтобы не было противоречия между качеством издания и пространством книги, чтобы не складывалась ситуация, когда издатели стараются выпустить качественную книгу, а распродаваемые тиражи падают.

Я могу сказать о своем эмпирическом опыте в качестве покупателя. Я не могу купить новую энциклопедию, потому что на книжных полках уже не осталось места. И поэтому предпочитаю книги в электронной форме. Если издатели рассчитывают на аспиранта и студента, то они должны понимать, что у него нет возможности поставить ваши энциклопедические издания на свою книжную полку. Зайдите в комнату аспиранта МГУ. Там можно поставить разве что десяток книг. И вспомните о его мизерной стипендии. Поэтому электронная форма книги необходима наряду с печатной. Тут уместно вспомнить и о том, что сказала Людмила Юрьевна.

А. ДРОЗДОВСКИЙ: Я являюсь, скорее всего, потребителем энциклопедий. Здесь говорили о круге знаний, о том, как грамотно написать статью, кому ее заказать. Но вы забываете, что количество потребителей энциклопедий в России уменьшается с каждым днем.

Мой знакомый, который преподает в школе химию и биологию, был на курсах повышения квалификации и видел документ, который поступил на коллегия в Минобразование. Из него следует, что в школе планируется прекратить преподавание химии, биологии, географии, физики и других дисциплин и предполагается заменить их единым предметом – естествознанием.

Все эти дисциплины станут факультативными, а значит, качество их преподавания в школах упадет. Можно предположить, что молодые физики, химики, биологи из школы уйдут, поскольку у них останутся мало часов. Учителя с большим стажем тоже уйдут, потому что будет разрушено дело их жизни. Они уйдут из принципа. Поэтому число потребителей энциклопедий может сократиться.

Это важно и для издателя, и для авторов.

Когда мы говорим об электронных формах, надо не забывать о том, что компьютер как таковой не имеет никаких возможностей. Компьютер – это железо. Возможности имеет только человек, который закладывает в него программу. А если не будет в школе физики, то закладывать эту программу будет некому. Если не будет математики, биологии... Да и какой может быть гуманитарий без естественно-научных дисциплин?

Н. КУЗНЕЦОВА: Физика может преподаваться в школе как самостоятельная дисциплина, и при этом ученик может не знать физику. Если естественно-научные дисциплины будут объединены в рамках «естествознания», это не помешает ученику изучать физику как часть естествознания.

А. ДРОЗДОВСКИЙ: Здесь важно, что советская практика создавала огромное количество «руды» – того материала, из которого появлялись ученые. Если сейчас ситуация изменится, возможно, не из кого будет выплавлять...

Н. КУЗНЕЦОВА: Алексей обратил наше внимание на то, что мы воображаем, будто энциклопедия – это само по себе очень хорошо, это товарная вещь или товарный знак. Чтобы продать, например, книгу, мы должны написать не просто «Сборник рецептов», а «Энциклопедию русской кухни», и она сразу будет лучше раскупаться и т. д. Алексей полагает, что на другом уровне происходят процессы, которые могут привести к исчезновению читателей серьезных энциклопедий. Это серьезная проблема. Тем более что у Алексея есть молодежная интуиция реальности.

Р. МАГОМЕДМИРЗАЕВ: Здесь было сказано много важного именно для издателя, в частности в выступлении Бориса Михайловича. Я как издатель смотрю со своей точки зрения, и я понимаю, что многие особенности издательской политики могут быть приняты во внимание исклю-

чительно издателями. Но в выступлениях содержалось несколько вопросов, адресованных издателю. Я попробую вкратце ответить на них.

Вопрос о границе между энциклопедией и, скажем, справочником относится, скорее всего, к области издательской хитрости. Когда издательств стало много, слово «энциклопедия» подверглось инфляции. Действительно, все прекрасно понимают, что книги с названием «энциклопедия» продаются лучше.

В результате появилось огромное количество изданий со словом «энциклопедия» в заглавии. При этом и обвинять кого-то невозможно, поскольку издатель всегда связан финансовыми обязательствами, например перед банком. И если к нему приходит руководитель какой-нибудь торговой сети и говорит: «Знаете, у вас изумительное издание, но у нас это купят, если я назову эту книгу не энциклопедией, а энциклопедическим справочником», – то издатель изменяет заглавие. Маленькая хитрость, которая позволяет реализовать не тысячу, а 10 тысяч экземпляров. И это важно. Поэтому не следует строго относиться к таким хитростям. Выбор формы подачи диктует сама жизнь – на бумажных носителях, электронных, в Интернете...

А следить за тем, что происходит нового в науке, невозможно по энциклопедиям и учебникам! На самом деле физик следит за появлением электронных препринтов, скажем, на сайте научного центра в Лос-Анджелесе, где собираются самые последние сведения, допустим, в области нелинейной физики, оптики. Наука идет вперед такими большими шагами, что издатели просто не могут за ней поспевать. Результаты порой устаревают моментально. И жизнь расставляет свои акценты.

То, что нецелесообразно издавать на бумаге, выходит в электронном виде и живет другой жизнью. Люди покупают доступ в тот же Рубрикон, если это действительно необходимо.

А издатель только пытается выбрать ту форму, в которой его издание будет востребовано. Мы опять приходим к вопросу. И в том, что касается спроса, я не соглашусь с предыдущим выступающим. Могу сказать как издатель, который зарабатывает на энциклопедиях деньги, что спрос на энциклопедии в России растет. Я даже не успеваю делать то, что просит рынок. Работа ведется с Российской академией наук, с РАО, со всеми ведущими структурами. И я никогда не стал бы экономить на тех, кто готовит наши издания. Профессионал решает все. То, что сделает профессионал, мы всегда можем продать. Это всегда будет востребовано.

Н. КУЗНЕЦОВА: Но я как преподаватель должна рекомендовать энциклопедию студентам, и я могу выбирать среди нескольких энциклопедий. Как исследователь я оцениваю энциклопедию с одной точки зрения, а как преподаватель – с другой. Я должна думать о том, что студент может почерпнуть в той или иной энциклопедии, для того чтобы подготовиться к экзамену. Я выбираю. Вот «Новая Российская энциклопедия». Хорошее издание, но оно не выходит в электронном варианте.

Р. МАГОМЕДМИРЗАЕВ: Это вопрос посттехнологического цикла в издательстве, технический вопрос.

А. ГЛЕБОВА: Одни читатели говорят о необходимости исключительно электронных средств книгоиздания, другие предпочитают исключительно бумажные. Но хотелось бы заметить, что первичная энциклопедия – это все-таки наша бумажная версия, содержание которой мы должны создать, которую мы должны издать. А уже потом кто-то может перевести ее в электронную форму. И кто бы ни сделал этот второй шаг, энциклопедию все же сделали мы.

Н. КУЗНЕЦОВА: А разве один и тот же издатель не может издавать и CD, и печатные (бумажные) книги?

В. РОГОВОЙ: «У нас все, что было сделано, было сделано в прошлом веке»

Я впервые участвую в подготовке энциклопедии – «Новой Российской энциклопедии». Я выслушал здесь самые разные мнения. Их трудно систематизировать. Все они интересные. Очевидно, что нужны разные справочные издания, дифференцированные по объему и по содержанию. Издания типа «Новой Российской энциклопедии» являются, так сказать, изданиями средней срочности. Ведь она будет иметь оборот, и через непродолжительное время можно будет внести в нее дополнения об изменениях, которые произошли за истекшие 5, пусть 6 лет. Это первое. Теперь скажу о потребителе. Я думаю, издатели знают своих читателей. Я точно знаю, что читателями нашей энциклопедии являются дети – школьники и, скажем, студенты. Аудитория, говоря приблизительно, от 10 до 20 лет. Это новые люди. А у нас все, что было сделано, было сделано в прошлом веке. И это вызывает у них непосредственный интерес. Теперь остановлюсь на концепции энциклопедии. Она должна включать информацию и об устоявшемся знании, и о новом, но уже доказанном. Ведь энциклопедия должна вызывать у человека, который впервые ее открывает, интерес к знаниям. И с этой точки зрения очевидно, что по крайней мере одно направление будет развиваться – ин-

терактивные энциклопедии в Интернете. Возможно, такие энциклопедии будет создавать наше издательство, поскольку эта форма представления знания обязательно будет развиваться.

И. ЗАДОРЖНИК: Мне кажется, именно «бумажная» энциклопедия является средством интеллектуального развития. Этим не следует пренебрегать. Диалог на равных возможен лишь с книгой, не с компьютером. Я припомню известное стихотворение: «Дрался Мишка с Гришкой, он схватил за книжку, хватя его по голове, вместо книжки вышло две». Это, парадоксально говоря, тоже развитие... А поскольку мы не только взрослые, но и дети, то для нас такое раздвоение книжки весьма значимо.

Кроме того, важна, так сказать, «сшибка» энциклопедий. Когда берешь две энциклопедии, может родиться новое качество знания. И еще одна сторона «бумажной» энциклопедии как развивающего момента – надежность пакетирования информации. Ведь в энциклопедии объединяются существенные признаки по степени сходимости и по степени доступности. Мне кажется, что пренебрегать этим ресурсом развития, а именно «бумажной» энциклопедией, не-

рационально. Что касается отношения бумажных энциклопедий с их электронными вариантами, то они должны строиться на принципе комплементарности, взаимной дополненности. Развивающий ресурс электронной энциклопедии еще предстоит оценить. Во всяком случае, она не может заменить бумажную.

А. РАНЧИН: На мой взгляд, энциклопедии нужны, но не в качестве учебного пособия. По-моему, ни аспиранты, ни студенты не являются основными потребителями энциклопедий. Экзамены и зачеты они сдают, пользуясь главным образом учебниками. Энциклопедии нужны для работы, но для учащихся они не служат основным источником информации. Здесь проблема даже не финансовая. Филологический факультет МГУ не самый богатый, не самые богатые студенты у нас учатся, но многие могут позволить себе купить и одну и несколько энциклопедий. Проблема не в этом.

Относительно пессимистичного замечания, что пользователей вообще может не стать, хотел бы сказать, что, с одной стороны, я готов в какой-то мере разделить пессимизм выступающего, но, с другой стороны, интерес к энциклопедиям может сохраниться даже в условиях падения уровня образования. Ведь энциклопедия порой воспринимается как очень хороший и простой путь к знаниям.

И последнее. Электронные энциклопедии могут издаваться на дисках или же публиковаться в Интернете. Кстати, я участвовал в написании статей в энциклопедию «Кругосвет», это проект фонда Д. Сороса. У них не было печатного варианта. Добавлю, что, на мой взгляд, не следует (в том числе и по коммерческим причинам) издавать одну энциклопедию и в электронной, и в печатной (бумажной) форме. Хотя и те и другие имеют право на существование.

М. САПУНОВ: Если позволите, вернусь к тому, о чем говорил ранее. Я иногда думаю, какие мотивы движут редактором издания, которое выходит каждый месяц. К примеру, мне как редактору каждый ме-

сяц приходится моделировать номер, т.е. некий мир, или реальность, или космос, который был бы достаточно замкнутым и «полным» в логическом смысле. Меня всегда волновала проблема: на каких основаниях все это делается? Конечно, более сложная задача стоит перед составителями энциклопедии, учитывая плюрализм мнений по каждой статье энциклопедии, кучу всяких точек зрения и необходимость осуществить выбор словника... А под эти слова нужно отобрать и собрать авторов, у которых разные позиции и т.д. Значит, совершенно безумная ответственность лежит на редакторе и на редколлегии по выбору этого, так сказать, списка элементов мира, из которых конструируется предметная реальность энциклопедии. На каких же основаниях? Трудный вопрос, имеющий философские импликации.

Скажем, проект энциклопедии в эпоху Просвещения основывался на представлениях классической философии, которая исходила из конструкции так называемого гносеологического субъекта – абсолютно-го субъекта, который все знает и способен в одном акте воспроизвести компендиум знаний – единственный и неповторимый. Энциклопедисты выступали как бы «от имени и по поручению» этого абсолютно-го субъекта. Эта абстракция, как известно, в наше время была очень серьезно поколеблена. Неклассическая философия отказывается от конструкции так называемого «чистого мышления», которое знает действительность «саму по себе». Поэтому когда мы сегодня даем энциклопедическое знание, мы не должны претендовать на знание того, что написано в «Книге Природы» как она есть. От претензии на абсолютное знание пришлось отказаться. Большую роль здесь сыграл, кстати, марксизм.

На чем же в таком случае основано наше убеждение в единстве мира (предметной реальности), которое мы даем в энциклопедии или в каждом номере журнала? Вопрос этот чисто, так сказать, автобиографический. Для меня он очень важен.

Мне кажется, единственное, на чем я могу основывать свою уверенность в том,

что тот мир, который смакетирован в энном номере, есть лучший из миров возможных, это некое сообщество людей, в общении с которыми я убеждаюсь, что выбор был сделан правильный. То есть существует референтная группа единомышленников, которые озабочены проблемами образования, которые полагают, что знания – отнюдь не информация, которую можно и нужно продавать, а терминальная ценность, – и это убеждение нас скрепляет и объединяет. Мне кажется, что и в работе с

энциклопедией присутствует это метафизическое начало.

Если вам понятно, о чем я говорю, то это и есть то самое понимание, которое нас в метафизическом смысле объединяет: знание имеет не только предметное или технологическое измерение, но и измерение бытийственное. Бытийственное же измерение основано на понимании, или вот так: бытие равно пониманию. Космос держится на некоем персональном «понимательном» усилии в поддержании порядка, который каждый раз мы должны воспроизводить.

В этом смысле наша инициатива в организации круглых столов – это некое расширение того поля понимания, которое, слава богу, достигнуто у нас в редколлегии, во всяком случае, в «малой», так сказать, редколлегии. Но даже если брать «большую» редколлегию, в которую входят ректоры, я думаю, мы тоже найдем общий язык. Знание, если пользоваться коммуникативным дискурсом современной философии науки, вырабатывается нами совместно, принадлежит нам всем, находится как бы «между нами». Круглый стол есть способ выработки некоторого предметного содержания, в частности и об энциклопедии. Но это и способ организации нашей солидарности перед лицом всяческих заморозков в прямом и переносном смысле. Хочу отметить, что здесь собрались те, кто не боится никаких морозов.

